

Интервью с Джоном О. Дуглассом

Почему важно изучать опыт студентов в исследовательских университетах?

Джон О. Дугласс — старший научный сотрудник сектора публичной политики и высшего образования в Центре исследований высшего образования Университета Калифорнии — Беркли, глава международного консорциума SERU.¹

Беседовал: И.С. Чириков, директор Центра внутреннего мониторинга ВШЭ.

Перевод подготовила: Д.С. Филиппова, студентка магистратуры King's College London.

— Джон, могли бы Вы сначала рассказать об истории международного консорциума «Студенческий опыт в исследовательском университете» («Student Experience in the Research University»)?

— Проект начался примерно в 2000 г., когда мы с моим коллегой собрали в Центре исследований высшего образования группу исследователей, работающих в области внутривузовских исследований (institutional research), чтобы проанализировать идею запуска системного исследования студентов в Калифорнийском университете². В результате тогда мы решили, что есть необходимость в едином и детальном исследовании студентов бакалавриата. Нам нужно было понять, что из себя представляют наши студенты, и каков уровень их образовательной и общественной вовлечённости (civic engagement). Мы понимали, что студенческий опыт очень разнообразен, — не везде он такой же, как в Беркли — есть много других сообществ, а также очень важны дисциплинарные различия. С этого мы начинали, но до непосредственного запуска исследования прошло некоторое время, пока мы разрабатывали инструментарий. Мы анализировали исследования, которые использовались в других университетах, но в итоге решили, что для Калифорнийского университета нужно что-то в большей степени сфокусированное на контексте и задачах исследовательского университета. Эту идею разделяли все наши партнёры по проекту.

Потом в 2008 г. мы решили расширить проект и выборочно включить в него ведущие исследовательские университеты США. Для этого мы связались с членами Ассоциации американских университетов (Association of American Universities, далее AAU), которая включает лучшие частные и государственные университеты США и Канады. Мы стали обсуждать с коллегами из этих университетов возможность их включения в SERU, а также преимущества, которые даёт участие в консорциуме. В частности, это получение данных, которые можно будет сравнивать на уровне отдельных дисциплин: например, сопоставлять программу инженерной подготовки в Беркли с аналогичной программой в Университете Мичигана или Техаса. Такие сравнения на уровне дисциплин являются самым важным способом оценки успешности работы университетов.

Нам нужно было понять, что из себя представляют наши студенты, и каков уровень их образовательной и общественной вовлечённости.

¹ Senior Research Fellow — Public Policy and Higher Education at the Center for Studies in Higher Education (CSHE) at the University of California — Berkeley; SERU-International Principal Investigator.

² Калифорнийский университет представляет собой «зонтичную» структуру, которая объединяет несколько государственных вузов (кампусов) в разных городах штата Калифорния. — *Примеч. перев.*

Партнёрство SERU-AAU к настоящему моменту разрослось до более чем 15 университетов и 9 кампусов Калифорнийского университета. Мы продолжаем привлекать новых участников и постоянно получаем запросы от других государственных университетов, входящих в AAU. Мы не очень преуспели в привлечении частных вузов, за исключением, разве что, Университета Южной Калифорнии (University of South California). У этого есть целый ряд причин, но мы надеемся вскоре всё-таки привлечь в консорциум несколько ведущих частных университетов.

Помимо этого проекта я также долгое время был включён в проведение межстрановых сравнительных исследований. И тогда я заметил, что потребность в данных и исследованиях студенческого опыта есть у многих университетов по всему миру. Поэтому при создании международного консорциума мы в принципе действовали тем же образом, что и в США: обратились в университеты, занимающие ведущие позиции в мировых рейтингах. Помимо этого, нам, конечно, было важно, насколько эти университеты значимы для своей страны, и способны ли они реализовать подобное исследование. Также существенным фактором было наличие интереса к подобным данным руководства университетов: мы хотели, чтобы они использовались для принятия решений, а не просто проводились «для галочки» одним из подразделений университета. И вот, полтора года назад мы начали пилотный проект, в который включились три китайских университета (Hunan University, Nanjing University и Xian Jiaotong University), бразильский (University of Campinas (Unicamp)), голландский (Amsterdam University College, который является совместным проектом University of Amsterdam и Vrije University of Amsterdam), и южноафриканский (University of Cape Town). В настоящее время мы находимся в завершающей стадии пилотной части. И вопрос, который нас особенно интересует, насколько существенны культурные различия между участниками из разных стран. Есть ли похожие интересы у этих университетов?

Мы очень рады включению в консорциум Высшей школы экономики в Москве, потому что вы идеально отвечаете нашим критериям. Другой новый участник — это Университет Бристоля (University of Bristol), которого мы очень ждали, потому что он входит в пятерку лучших университетов Великобритании. Там очень заинтересованное руководство, в частности, Эрик Томас, который в настоящее время является президентом ассоциации университетов Великобритании (Universities UK). Получается, что мы присутствуем в разных частях мира, и для нас это своего рода эксперимент в международном масштабе.

— *Существуют другие национальные и международные исследования студенческой вовлечённости, например, Национальное исследование студенческой вовлечённости (National Survey of Student Engagement, далее NSSE), реализуемое в Университете Индианы. В чём состоят различия между этими проектами?*

И тогда я заметил, что потребность в данных и исследованиях студенческого опыта есть у многих университетов по всему миру.

Сначала мы тоже ориентировались на NSSE, но потом поняли, что его инструментарий не «схватывает» специфику исследовательского университета.

— NSSE — это очень большое и важное исследование, проводимое Университетом Индианы, и его идея состоит в том, чтобы обеспечить стандартизированный инструментарий для исследования всех типов колледжей и университетов в США.

У них довольно формализованные контрактные отношения с университетами: «У нас есть вот такой опрос, мы его для вас проводим, вот вам данные. До свидания». У них нет более масштабных целей по обмену данными, совместным исследованиям и выработке лучших практик.

Сначала мы тоже ориентировались на NSSE (и многие участники нашего консорциума также заказывают проведение опросов NSSE у себя), но потом поняли, что его инструментарий не «схватывает» специфику исследовательского университета. Для целей нашего консорциума мы начали обсуждать другую модель. Во-первых, нам хотелось бы, чтобы у нас был сплошной опрос, потому что нам нужно много разных данных для того, чтобы можно было дифференцировать различные группы студентов в зависимости от специальностей. Во-вторых, для нас было понятно, что опрос должен проводиться в онлайн-формате, потому что это эффективнее с финансовой точки зрения и удобнее для обмена данными между университетами. И в-третьих, мы хотели, чтобы университеты — члены консорциума участвовали в адаптации содержания исследования к локальным особенностям их стран и взаимодействовали с другими членами консорциума, обсуждали с ними интересующие их вопросы. Ни одного из этих элементов не было в дизайне NSSE. Они меняют что-то время от времени, но это по-прежнему контрактные отношения с другими университетами, которые пользуются их услугами. Это отличается от нашей модели кооперации, выстроенной на основе инструментария, который ориентирован на исследовательские университеты.

Другая важная особенность Консорциума состоит в том, что помимо самого опроса мы даём нашим членам возможность обмениваться данными, совместно работать над исследовательскими вопросами и обмениваться лучшими практиками. Конечно, сам опрос — это основа проекта, но на самом деле он представляет собой значительно больше, чем просто исследование.

— *Это впечатляет. А каковы главные задачи Консорциума?*

— Главная задача для каждого члена Консорциума — это систематизация и получение данных об опыте своих студентов, о том, каковы их характеристики и с какими трудностями они сталкиваются в процессе получения образования. Потому что, честно говоря, университеты, особенно большие, на самом деле не так много знают о своих студентах — каков их социально-экономический статус, каковы их интересы, проблемы.

В связи с этим я всегда отмечаю, что в профессиональных дискуссиях очень много внимания уделяется роли преподавателей и академической среды для развития исследовательского университета. И много раз за это время говорилось, что у исследовательского университета есть три основные функции: обучение, исследовательская деятельность и так называемая третья миссия — взаимодействие с локальными сообществами и экономикой. Практически всё внимание всегда уделялось преподавателям — это прекрасно вид-

Мы хотели, чтобы университеты — члены консорциума участвовали в адаптации содержания исследования к локальным особенностям их стран, и взаимодействовали с другими членами консорциума.

Университеты, особенно большие, на самом деле не так много знают о своих студентах — каков их социально-экономический статус, каковы их интересы, проблемы.

но на примере рейтингов. Какова же роль студентов в исследовательском университете? Они же представляют собой больше, чем просто пассивные реципиенты знаний. Лучшие университеты выстраивают и поддерживают сообщество, в которое входят игроки с различными интересами. Это не то же самое, что просто давать знания студентам, а потом говорить: «Ну а теперь вы можете идти».

Среди членов сообщества SERU-AAU большое значение имеют различные формы вовлечения учащихся в проведение исследований для содействия развитию у студентов креативности, представления о своей будущей карьере. В плане реализации общественной функции университетов студенты также являются важными участниками социально-ориентированных программ, как на территории США, так и по всему миру. В таких университетах, как Беркли, студенты очень активно включаются в работу самых разных государственных организаций — от больниц до школ, или участвуют в проектах, связанных с государственной политикой, или занимаются решением инженерных проблем (например, с дорожным движением). Это другое важное дополнение к студенческому опыту и их роли в исследовательских университетах. Опрос SERU и сам Консорциум как раз и являются инструментами для оценки участия студентов в такого рода активности.

Участие в SERU-AAU также имеет множество других преимуществ. Для членов SERU-AAU данные SERU являются решающими в процессе оценки эффективности образовательных программ. Дело в том, что в структуре американского высшего образования федеральное министерство не играет такой направляющей роли, как в некоторых других странах. SERU задает внутреннюю фокусировку для определения направлений развития академических программ и принципов образования наших студентов.

— Какие вызовы для сравнения данных на международном уровне являются сейчас наиболее важными для проекта?

— Ну, это очень хороший вопрос, и я думаю, что мы всё ещё учимся, поскольку мы только набираем и классифицируем наши данные. Участникам ещё предстоит обсудить этот вопрос. Я готов сказать, что, возможно, у нас больше общего, чем отличающегося, но я не могу заявить об этом со всей уверенностью, основываясь на данных.

Когда мы готовились к проведению пилотного опроса в рамках SERU-I, мы предоставили опросник нашим международным участникам — шести университетам. Мы предполагали, что они, скорее всего, выберут 30% вопросов из опросника в качестве «центральных вопросов», которые являются общими и для наших американских членов, а 70% будут специальными вопросами в зависимости от культурных особенностей, поскольку мы знаем, что они существенны. Однако оказалось, что участники консорциума в итоге выбрали около 70% вопросов из общего опросника. Конечно, есть некоторые языковые особенности, и это является проблемой для создания сопоставимых данных. Мы продолжаем думать над решением данной проблемы. Но я хочу подчеркнуть, что около 70% вопросов были общими, тогда как 30% — более специализированными, обусловленными культурными различиями. Я думаю, этот факт может служить индикатором того, что у

Я готов сказать, что, возможно, у нас больше общего, чем отличающегося.

Возможно, поведение студентов отличается в разных странах, но цели наших университетов-участников схожи: они ориентированы на повышение уровня студенческой вовлечённости в образовательном процессе.

нас гораздо больше общих черт, чем мы привыкли думать. Какие это общие черты? Возможно, поведение студентов отличается в разных странах, но цели наших университетов-участников схожи: они ориентированы на повышение уровня студенческой вовлечённости в образовательном процессе, исследовательской деятельности и взаимодействии с локальными сообществами.

— Вы могли бы привести какие-нибудь примеры, когда университеты — участники консорциума принимали решения, основываясь на результатах Вашего исследования?

— Конечно, но думаю, что такие случаи тяжело поддаются анализу и систематизации, поскольку наши члены используют данные в самых разных сферах. Мы проводим специальный опрос наших участников, в котором спрашиваем, каким образом они используют данные. Этот опрос уже позволил нам выявить целый ряд сфер использования данных, однако чаще всего они используются для идентификации проблем развития образовательных программ.

Как я уже заметил, в Калифорнийском университете в Беркли данные SERU используются для мониторинга образовательных программ и являются важной составляющей этого процесса. Они, например, оказывают влияние на то, как факультеты выстраивают свои учебные планы. Ещё мы знаем, что среди различных департаментов инженерный факультет является одним из наиболее активных пользователей данных. Мы видим также, что на макроуровне данные используются по-разному. Во-первых, они используются в рамках системы Калифорнийского университета. Это сеть из десяти университетов, которые имеют общие стратегии, например по приёму и академическому развитию. Данные также используются для анализа наших стратегий приёма: как они влияют на контингент студентов, которые к нам поступают (когда к нам приходят определённые типы студентов, мы можем брать на себя больше рисков); как протекает их жизнь в университете; как они взаимодействуют с внеуниверситетскими сообществами. Так что есть пространство, в котором данные влияют на осмысление и решение макропроблем, таких как приём в университет.

Есть и другие типы использования данных. Например, мы добавили в исследование специальный вопрос, который относился к определению студенческой заинтересованности в проекте новой многокампусной магистерской программы «World Health». Результаты опроса были использованы для обоснования запуска этой программы. Есть множество других примеров. Например, данные используются для информирования Совета директоров Калифорнийского университета. На ранней стадии проекта мы обнаружили показатели, согласно которым у 65% студентов бакалавриата в Беркли, по крайней мере, один из родителей является иммигрантом. В принципе, если осмотреться, то это заметно, но это было действительно неожиданной и полезной информацией для Совета, которая привела нас к постановке новых вопросов, например о том, как студенты представляют себе свою роль в университете и есть ли у них чувство принадлежности к нему.

Есть и другие примеры на макроуровне, и я могу продолжать приводить их

Данные предназначены для внутреннего использования университетами, чтобы лучше понимать то, что происходит со студентами и как улучшить их опыт получения образования.

и дальше. Но если резюмировать, то думаю, что данные предназначены для внутреннего использования университетами, чтобы лучше понимать то, что происходит со студентами и как улучшить их опыт получения образования.

— У меня заключительный вопрос. Что Вы ожидаете от России, от Высшей школы экономики, от её участия в Консорциуме?

— Мы рассматриваем вас в качестве важного партнёра для того прежде всего, чтобы понять и развить опросный инструмент SERU-International. Конечно, у нас есть очень стабильное ядро, но исследование — это продолжающийся процесс, и мы ищем разные возможности, которые помогут нам понять, как этот опрос может «сработать» в международном контексте. Это первый аспект. Далее, мы хотим работать с университетами, которые действительно будут использовать эти данные. Мои ощущения от наших предыдущих встреч таковы, что вы будете именно таким партнёром. Мы не хотим, чтобы университеты собирали данные и помещали их в архив. Мы хотим, чтобы они были интегрированы в процесс академического управления, в процесс принятия решений.

Участие ВШЭ является важным также ещё по одной причине. Как я уже отметил, у нас есть интерес к разным частям мира, и будет очень интересно увидеть, в каких чертах университеты отличаются, а в каких похожи друг на друга. Это может сказать нам многое о том, что происходит в сфере высшего образования во всем мире. Да, на протяжении некоторого времени мы уже делали эти исследования в США, и я знаю, что у вас проводятся свои опросы внутри университета, но думаю, что для нас это уникальная возможность оценить глобальные процессы в сфере высшего образования и то, какие типы инноваций преследуют университеты. Так что ВШЭ является действительно важным ориентиром для нашей классификации университетов.

Ещё одна сторона проекта, о которой я бы хотел сказать, это то, что у нас будут обсуждения возможного исследования опыта аспирантов. В начале мы сконцентрировали наши усилия на уровне бакалавриата, но аспирантура также является важной сферой для исследования. И мы видим, что сотрудничество с некоторыми нашими международными партнёрами по разработке пилотного опроса SERU Graduate Student Survey сформирует ещё более подробный набор данных и дополнительные основания для сотрудничества. Развитие аспирантуры является невероятно важным. Так что мы надеемся, что ваш университет поможет нам разработать и развить эту сферу исследований.

— Спасибо Вам за такое содержательное интервью. Надеюсь, что мы оправдаем Ваши ожидания!

Исследование — это продолжающийся процесс, и мы ищем разные возможности, которые помогут нам понять, как этот опрос может «сработать» в международном контексте.

28 сентября 2012 г., Беркли, США